

Иван Александрович Гончаров

**Письма столичного друга к
провинциальному жениху**

**Гончаров Иван
Александрович**

**Письма столичного друга к
провинциальному жениху**

И. А. Гончаров

ПИСЬМА СТОЛИЧНОГО ДРУГА
К ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ ЖЕНИХУ

Письмо первое

Франт. - Лев. - Человек хорошего тона.

Порядочный человек.

Ну, любезный друг, Василий Васильич, вывел ты меня из терпения своим письмом и комиссиями, или не то что комиссиями, а допотопными наставлениями, как исполнить их. Не хотел было я сначала отвечать тебе: как-таки, говорю себе, человек, подававший в юношестве такие блистательные надежды, учившийся так хорошо по-гречески и по-латыни, питавший в университете ум свой изящными произведениями древности, а желудок - не какими-нибудь пирогами от разносчика, а изделиями Пеэра и Педотти, - как такой человек мог упасть так жалко и глубоко в бездну... дурного тона! Но, смею сказать, порядочность моя одержала верх над минутной досадой: так и быть, соберу все силы и спасу тебя, извлеку тебя из пропасти во имя нашей старой дружбы, во имя любви к человечеству... Ты презрительно усмехнешься при

этом: знаю, знаю твою философию! "Франт, лев толкует о дружбе, о любви к человечеству!" - скажешь ты, приподняв, по своему обыкновению, одну бровь выше другой. Приведи же в уровень свои брови и не играй попусту словами лев и франт, значения которых ты, извини, худо понимаешь. Ты часто титулуешь меня то тем, то другим названием; но пойми один раз навсегда, что я не лев и не франт, хоть я и не вижу ничего позорного в значении льва и франта, так точно как и не вижу причин особенно уважать их. Если есть люди, посвящающие жизнь любви к собакам, лошадям и т. п., то чем хуже другие, избравшие назначением себе приобретать хорошие манеры, уметь порядочно одеваться, выставить себя напоказ и проч.

Не лев и не франт я, говорю, или, пожалуй, я и то, и другое, но я, сверх этого, еще и третье, а может быть, и четвертое.

Франт и лев! Это была бы слишком мелкая и ограниченная сфера для моего самолюбия; ты помнишь мое самолюбие: тебе не раз доставалось от него. Нет, мое назначение выше, сфера обширнее. Вникни хорошенько в

смысл моей претензии: я задал себе задачу быть не только человеком хорошего тона, но еще и человеком порядочным. Многие смешивают эти два понятия, но несправедливо. Ты много знаешь, знаешь, между прочим, по-гречески и по-латыни, но знаешь ли ты, что человек-то хорошего тона, и особенно человек порядочный (а не лев и франт только, не забывай этого), имеет, может быть, больше права толковать о дружбе и о любви к человечеству, нежели кто-нибудь, иногда больше даже того, кто знает по-греч... ну, ну, не сердись: будем рассуждать дельно и хладнокровно.

Я сказал, что я и франт, и лев, и человек хорошего тона, и... стремлюсь быть человеком порядочным, стремлюсь, сколько есть сил. Станным покажется тебе такое неделовое, пустое самолюбие: это оттого, что ты никогда не подумал о значении порядочного человека. Попробуй подумать, приведи к одному знаменателю общие усилия этих четырех приведенных мною типов хорошего общества: что выйдет? к какому итогу ведут их стремления? выведи и назови этот итог: ведь выйдет - *уменье жить, savoir vivre!* Я думаю,

есть о чем похлопотать.

Рассмотрим же теперь все четыре степени адептов этой науки, с тою целию, во-первых, чтоб ты не играл на ветер словами лев и франт, не понимая их значенья, и, во-вторых, чтоб ты признал великую науку, поставил ее если не выше, то хоть рядом с знанием греческих и римских древностей и преклонил бы колени перед умением жить, в таинства которого я хочу посвятить тебя именем старой нашей дружбы и любви к человечеству. Слушай же.

Что такое франт? Франт уловил только одну, самую простую и пустую сторону умения жить: мастерски, безукоризненно одеться. По ограниченности взгляда на жизнь, он, кроме этого, ничего не усвоил. Оттого в нем так заметно и пробивается и бросается другим в глаза основательно порицаемая претензия блеснуть своей скудной частичкой умения жить и доводить ее даже за пределы хорошего тона. Пройти весь Невский проспект, не сбившись с усвоенной себе франтами иноходи, не вынув ни разу руки из заднего кармана пальто и не выронив из глаза искусно встав-

ленной лорнетки, - вот что может поглотить у него целое утро. Чтобы надеть сегодня привезенные только третьего дня панталоны известного цвета с лампасами или променять свою цепочку на другую, только что полученную, он согласится два месяца дурно обедать. Он готов простоять целый вечер на ногах, лишь бы не сделать, сидя, складки на белом жилете; не повернет два часа головы ни направо, ни налево, чтоб не помять галстука. Ты спросишь, для чего он делает всё это, не для цели ли какой-нибудь? Для того, например, чтоб броситься в глаза изяществом туалета женщине, заставить ее остановить на себе внимание сначала этим, чтоб потом другими средствами идти далее? или из свойственного многим тщеславия показать, что он может свободно тратить деньги? нет! абсолютный фронт делает это так: он одевается картинно для самоуслаждения. Он трепещет гордостью и млеет от неги, когда случайно поймает брошенный на него каким-нибудь юношей завистливый взгляд или подхватит на лету фразу: "Такой-то всегда отлично одет".

Это обыкновенно мелкое и жалкое суще-

ство; бросим его и перейдем ко льву.

Лев покорил себе уже все чисто внешние стороны умения жить. В нем не заметно мелкой претензии, то есть щепетильной заботливости о туалете или о другом исключительном предмете, не видать желанья блеснуть одной какой-нибудь стороной. У него нет исключительности, нет предпочтения одной стороне перед другою. Все стороны равны у него; они должны быть сведены в одно гармоническое целое и разливать блеск и изящество одинаково на весь образ жизни. Оттого лев полон спокойствия и достоинства. Он никогда не оглядывает своего платья, не охорашивается, не поправляет галстука, волос; безукоризненный туалет не качество, не заслуга в нем, а необходимое условие. Он исполнен небрежной уверенности, что одет изящно, подобно с мгновением не текущей, а рождающейся моды. Ему и некогда обращать исключительного внимания на одну какую-нибудь сторону. Внимание его разбросано на множество предметов. Он хорошо ест (тоже не шутка!); ему надо подумать, где и как обедать, решить, какой сорт из вновь привезенных си-

гар курить и заставить курить других; его занимает забота и о цвете экипажа, и о ливрее людей. Он в виду толпы: на него смотрят как на классическую статую. Ему надо идти параллельно с модою во всем, искусно и вовремя уловлять первые, самые свежие ее мгновения, когда другой не поспел и не посмел и подумать подчиниться капризу ее, и охладеть, когда другие только что покоряются ей. На льва, говорю, смотрит целое общество: замечают, на какую женщину предпочтительно падает его взгляд, и та женщина окружена общим вниманием; справляются, какой из привезенных французских романов хвалит он, и все читают его. Наконец, проникают в его домашний быт, изучают его мебель, бронзу, ковры, все мелочи, перенимают привычки, подражают его глупостям. В этой-то быстроте и навыке соображения, что выбрать, надеть, что отбросить, где и как обедать, что завтракать, с кем видеться, говорить и о чем, как распределить порядок утра, дня и вечера так, чтоб всем этим произвести эффект, - и состоит задача льва. Он обречен вечному хамелеонству; вкус его в непрерывном движении;

он играет у него роль часовой стрелки, и все поверяют свой вкус по ней, как часы по одному какому-нибудь регулятору, но все несколько отстают: льва догнать нельзя, в противном случае он не лев. Ни у кого нет такого тонкого чутья в выборе того или другого покроя, тех или других вещей; он не только первый замечает, но издали предчувствует появление модной новости, модного обычая, потому что всегда носит в себе потребность моды и новизны. Эта тонкость чутья, этот нежно изощренный вкус во всем, что относится до изящного образа жизни, и есть качество и достоинство льва. У льва есть своя претензия, не такая, как у франта; нет, это блистательная, обширная претензия: не теряться ни на минуту из глаз общества, не сходить с пьедестала, на который возвел его изящный вкус, властвовать в пределах моды, быть всегда нужным толпе, быть корифеем (что, обрадовался греческому слову?) ее в деле вкуса и манер.

Человек хорошего тона в тесном, глубоком смысле слова (потому что и лев - хорошего тона, но только со стороны наружных манер) есть уже человек, обладающий кроме наруж-

ных и многими нравственными качествами
уменья жить. Его ни франтом, ни львом на-
звать нельзя: как лев не есть уже франт, хотя
он и заключает в себе все условия франтов-
ства, так точно и человек хорошего тона не
есть уже лев, хотя и имеет все средства быть
им. Он, пожалуй, иногда, в известной, нуж-
ной ему степени, и то, и другое: он и одет пре-
красно, и обедает отлично, убирает изящно и
дом свой; прислуга, экипаж всё у него очень
хорошо, но всё это делается у него не по при-
званию, как у тех, а вследствие изящно возде-
ланной натуры, тонкого воспитания. Хорошо
есть, пить, одеваться, сидеть и лежать на по-
койной мебели и т. п. есть его внутренняя по-
требность, привычка к комфорту. Он этим не
рассчитывает на эффект, а делает всё для се-
бя. Его сфера обширнее. Оттого он не стесняет
себя теми условиями, которыми живет и ды-
шит лев. Он позволяет себе некоторые отступ-
ления, без вреда репутации хорошего тона, от
разных наружных условий нарядного быта.
Например, иногда подробности своего туалета
он предоставляет попечению камердинера
или портного; пропустит какую-нибудь моду;

может курить те сигары, к которым привык, обедать, завтракать, выбирать и забирать вещи, где ему кажется хорошо, руководствуясь своим личным вкусом, а не указанием господствующей в то мгновение моды, потому что личный вкус его непогрешителен: он не введет его в ошибку против хорошего тона, он у него выработан в инстинкт. Человек хорошего тона может даже знать по-гречески и по-латыни: и за это не взыщут с него. Наружные условия умения жить для него дело второстепенное. Он извлек другую, важную тайну из этого умения: он обладает тактом в деле общественных приличий, то есть не одних наружных приличий: как кланяться, говорить, сидеть - это постиг и лев... нет, приличий внутренних, нравственных: умения быть, обращаться с людьми, держать себя в людях и с людьми, как должно, как следует. Малейшее отступление от этого тона сейчас нарушит строгую гармонию приличий, как фальшивая нота в оркестре.

Опять предвижу твое удивление: ты, может быть, даже скажешь, что это легко, что это проще греческой азбуки и что только де-

ти грешат иногда против навыка быть в людях и т. п. Смотри, как бы я не уличил и тебя, взрослого ребенка, в неуменье вести себя с тем или другим человеком, в том или другом случае. Но оставим личности - хороший тон не терпит этого - и будем говорить вообще. Скажи по совести, не поражает ли тебя на каждом шагу неуменье людей быть между собою? не видишь ли ты беспрестанно возникающих от этого смешных, нелепых, вредных противоречий, ошибок, глупостей? не кидается ли в глаза, например, какая-нибудь оскорбительная сортировка гостей со стороны иного хозяина дома, обращение какого-нибудь должностного лица с просителем или просителя с этим лицом? не бросается ли в глаза чье-нибудь неуменье или замешательство обойтись, при внезапной встрече, с незнакомыми людьми? не случилось ли тебе видеть или испытывать на себе чей-нибудь незаслуженно наглый, презрительный или бесполезно подобострастный взгляд, чрезмерную холодность или излишнюю горячность, грубое, неуместное слово или какое-нибудь излишнее пожатие руки и даже объятие - словом,

какую-нибудь резкость, шероховатость? Всё это делается большею частью от незнания, как должно и как нужно держать себя в том или другом случае. И ты, наблюдая эти случаи, мысленно непременно твердишь: это ненужно, это глупо, это лишнее; зачем один сделал то, другой это? А затем, друг мой, что это люди - дурного тона, то есть не умеющие обойтись друг с другом. Даже лев может быть причастен подобному греху: и он не всегда совладеет с собою. Мне случилось видеть льва в замешательстве: когда, например, подходил к нему в толпе и вдруг заговаривал с ним дружески непорядочно одетый человек или называла его по имени какая-нибудь сомнительного вида женщина: надо было видеть, как он выпускал когти и вздымал гриву! и выходила маленькая сцена. Человек хорошего тона никогда не сделает резкой, угловатой выходки, никогда никому не нагрубит, ни нагло, ни сентиментально ни на кого не посмотрит и вообще ни с кем, ни в каком случае, неуклюже, по-звериному не поступит. Он при встрече в первый раз с человеком не обдаст его, ни с того ни с сего, ни холодом, ни

презрением, не станет и юлить перед ним; не попросит у него денег взаймы и, разумеется, не даст и своих (после, при коротком знакомстве, и возьмет, но, может, быть не отдаст ни своих, ни чужих), не подавит никого своим достоинством, не унижится и сам ни перед чьим: он поступит только ни более ни менее того, как должно поступить. В этом-то и вся штука, чтоб уметь не отойти от этой незаметной для других тонкой черты приличия и не впасть в грубость и несообразность. Но тем-то человек хорошего тона и отличается от других, что в нем до тонкости изучено, развито или уж врожденно ему чувство человеческого приличия. Ты скажешь, что это кукла, автомат, который для приличий выбросил из душонки все ощущения, страсти... Нет, не выбросил: он только не делает из них спектакля, чтоб не мешать другим, не стеснять, не беспокоить никого в беспрестанных, ежеминутных столкновениях с людьми: того же хочет и ожидает от других и для себя. Ощущения, страсти проявляются в нем легко и изящно; он не подавляет своего темперамента, но дает ему только известную форму проявляться, а

не прорываться бессмысленно, грубо и беспорядочно на потеху или на огорчение окружающих. И ему неприятно, когда подойдет к нему дурно одетый человек в толпе или назовет его по имени неизвестная женщина, но он сцены не сделает: он отделается от них известной, умной, ловкой, свойственной ему хорошего тона манерой. Я видел человека хорошего тона в деле страстей: я видел, как оскорбляли его, и видел, как он оскорблял других; видел, как кипела в нем и пробивалась наружу желчь, как язвил он и как язвили его самого, видел и любовался: что за изящество, что за умение сохранить, по крайней мере наружно, человеческое достоинство! никакой дикости, ничего порывистого, чудовищного, безобразного, а между тем страшно и жалко смотреть: видишь все-таки человека, но человека возделанного, цивилизованного. Никогда римляне и греки твои не умели выдержать себя так в своих цирках и аренах. Видал я заимодавцев, которые выходили от человека хорошего тона без денег, с бешенством в груди, но с улыбкой и поклоном и шли от него прямо в Управу благочиния. Я совсем не

намерен выставлять тебе человека хорошего тона героем нравственных правил, - о нет, а только героем приличий, увлекательного уменья жить. Упоминая о неудовлетворенном заимодавце, я тебе явно показываю, что человек хорошего тона может и не уплатить по векселю, может даже, пожалуй, обыграть тебя наверное в карты, завести с тобой несправедливый процесс, обмануть тебя всячески, но во всем и всюду, и в картах, и в деловых сношениях, и в обмане, - во всем, поверь, он соблюдет тот же, одинако изящный, ровный, благородный наружный тон. А за нравственность его я не поручусь. Я могу поручиться вполне только за порядочного человека.

Теперь предстоит нелегкая задача определить, что такое порядочный человек? Я начну с того, что отвергну его существование. Сказать ли правду: ведь совершенно порядочного человека, в обширном, полном смысле, никогда не было, да и вряд ли будет, как никогда не было совершенного мудреца, совершенно добродетельного человека. Это всё прекрасные идеалы, которые создала наша фантазия

и приблизиться к которым мы напрасно стремимся целые семь тысяч лет. Ты, я знаю, сейчас подымешь крик: сейчас вытащишь семь греческих мудрецов да разных классических добродетельных людей, Катона, Регула... Полно! что по-пустому тревожить их прах? Твои мудрецы - дети, твои герои... но Бог с ними. Я буду говорить о порядочном человеке и его поступках. В твоих глазах и порядочный человек, пожалуй, так себе, ничего, фронт, лев, пустой человек: ничего не знает, не отличит хитона от тоги, слога Саллюстия от слога Тита Ливия... Да, это правда, может быть, и не отличит, и в жизни древних иногда ничего не смыслит; но зато как же он глубоко проник и изучил жизнь современного общества, как он тонко взвешивает, по каким строгим законам справедливости соблюдает свои общественные и частные отношения к другим и отношения других к себе! Порядочный человек - это герой современного общества, но герой больше идеальный, возможный не вполне. Видишь, как оно далеко пошло! Но я, кажется, забрался с порядочным человеком слишком высоко: спустимся пониже, в ежедневный,

будничный быт, и взглянем, что такое значит и делает в нем порядочный человек.

Порядочный человек есть тесное, гармоническое сочетание наружного и внутреннего, нравственного умения жить. Первую роль в нем играет, разумеется, нравственная, внутренняя сторона этого умения. Наружная есть только помощница или, лучше, форма первой. Человек хорошего тона усваивает себе изящные манеры и благородный тон как необходимое воспитание, как средства принадлежать к хорошему обществу; хороший тон и изящные манеры у порядочного человека проистекают не машинально из одного воспитания только или из привычки и из обычая, а вместе из внутренней, душевной потребности. Порядочный человек не грубит никому, не делает сцен, не оскорбляет наглыми, презрительными взглядами не потому только, что это резко и угловато, а потому, что неразумно и несправедливо. Поэтому порядочный человек есть непременно вместе и человек хорошего тона. Он даже может быть иногда также и львом, но это чисто случайно, смотря по личному его вкусу, образу жизни,

занятиям, точно так же как он может быть, тоже случайно, и не довольно внимателен к этой внешней стороне умения жить, может не ловить моды, не следить за всеми ее капризами, но, однако же, обязан покоряться общим и главным ее законам в известной степени, настолько, чтоб не казаться резким явлением, чтоб не нарушать условий и форм, принятых хорошим обществом; в противном случае он должен будет сложить с себя титул порядочного человека и остаться только добрым, честным, благородным или справедливым - словом, хорошим человеком. Тут форма играет хотя и второстепенную, но необходимую роль. Есть добрые, честные, справедливые люди во всяком быту, и в низших слоях общества, но их не называют порядочными, а просто такими и такими людьми.

Человек хорошего тона, не имея в самом деле внутренней, нравственной порядочности, подделывается под нее наружными манерами. Он может быть и горд, и зол, и скуп, и несправедлив, может обмануть, обыграть другого, только всё это смягчено и прикрыто в нем изящным тоном, всё выражается осто-

рожно, не бросается в глаза обществу, не оскорбляет и не беспокоит его: этого требует уменье жить. Хорошее общество может терпеть в среде своей или действительно хорошего человека, или по крайней мере искусно кажущегося им; иначе гармония его нарушится, выйдет разлад. Но скупого, злого, гордого, несправедливого и тому подобного человека никто не назовет порядочным. "Стало быть, - спросишь ты, - порядочный человек честен, справедлив благороден, не обыграет наверное, не заведет предосудительной тяжбы? так этого и просто хороший человек не сделает". Да, но порядочный человек, сверх этого, не нагрубит никому, точно так же как и человек хорошего тона, ни нагло ни на кого не посмотрит, не сделает ничего резкого, неуклюжего, звериного. Все хорошие его качества выражаются в нем тонко, изящно, потому что он принадлежит к хорошему обществу, потому что он... порядочный человек, то есть обладающий вполне и наружной и нравственной стороной великой науки уменья жить. "Так это совершенный человек, - скажешь ты, тип человека в благородном его

смысле". - "Да! - отвечаю со вздохом, почти так: я знал, что рисую тебе идеал; что делать! приходится повторить старую фразу дурного тона: "Нет ничего совершенного на земле!" Я, впрочем, предупредил тебя в начале письма, что нет и не было вполне порядочного человека, и Бог знает, будет ли когда-нибудь; но есть типы, есть более или менее приближающиеся к этому идеалу существа, есть даже много таких людей... "Я, например?" - спросишь ты о себе. "Ты, мой друг, Василий Васильич, в этом деле никуда не годишься". - "Как никуда не гожусь? - с огорчением воскликнешь, - я разве не честен, не справедлив, разве я не чтил родителей, не радел о своем имени..." Успокойся и прочти снова мое письмо: там увидишь, что такое порядочный человек. Про тебя всякий охотно и с удовольствием скажет, что ты и честный, и благородный, и справедливый, пожалуй, хоть великодушный человек, чтить и родителей, даже прибавят, что знаешь по-гречески и по-латыни, но порядочным человеком все-таки не назовут: твой образ жизни неопрятен... "Да ты-то сам порядочный ли человек?" - с досадой спросишь ты.

Краснею и молчу, потом смиренно, как школьник, отвечаю: стараюсь, буду стараться всю жизнь подойти как можно ближе к благородному идеалу, а теперь чувствую, что еще не вполне достоин... "Как же ты берешься учить других, когда сам еще..." - закричишь опять. Я берусь учить из старой дружбы к тебе и любви к человечеству, во-первых; во-вторых, потому, что ты сам напрашиваешься на это, давая мне, по случаю своей свадьбы, разные комиссии, из которых не могу не заключить, что ты намерен ввести опрятность и изящество в свой образ жизни, да не умеешь; в-третьих, потому, что тебе уж недалеко до порядочности: ты обладаешь главными и основными ее началами: ты добр, честен, справедлив, благороден по натуре, чтешь родителей да еще знаешь по-гречески и по-латыни... тебе недостает только лоску, то есть благообразной формы, которую я, именем дружбы и любви к человечеству, и хочу надеть на тебя.

При этом ты, может быть, еще раз поднимешь одну бровь выше другой и вновь скажешь с досадой: "Да что это за напасть! разве только и спасения, что быть франтом,

львом..." Опять, опять франтом и львом! Ты хоть какого хочешь хорошего тона человека выведешь из терпения! Ведь я, кажется, достаточно объяснил тебе, что ни ты, ни я франтами и львами только быть не можем. "Ну разве только и спасения, что в порядочности?" - скажешь ты с большей досадой. Кто говорит! нет: будь добродетелен, знай по-гречески и по-латыни и живи себе один, - никто не скажет ни слова. Но кто хочет жить между людей, и именно не простых, а цивилизованных людей, в избранном, изящном обществе на земле, тот неминуемо должен быть порядочным человеком, в какой бы стране он ни жил, потому что избранное, изящное общество везде, на всей земле одно и то же, и в Вене, и в Париже, и в Лондоне, и в Мадриде. Оно, как орден езуитов, вечно, несокрушимо, неистребимо, несмотря ни на какие бури и потрясения; так же как этот орден, оно имеет свое учение, свой, не всем доступный устав и так же держится одним духом, несмотря на мелочное различие форм, одною целию всегда и везде - распространять по лицу земли великую науку - уменье жить.

Ты, вероятно, возразишь еще, что это доступно только людям, наделенным материальными средствами, что нужда есть первое и главное препятствие быть порядочным человеком. Пожалуй, и да и нет, смотря по степени бедности. Если ты родился бедным, но родился и воспитывался в хорошем быту, ты все-таки будешь и человеком хорошего тона и можешь быть и порядочным человеком: для хороших манер и для такта быть с людьми, так же как и для нравственного умения жить, не нужно богатства. Беда франту и льву без денег: тогда они ничто. Франт и лев, лишась средств быть франтом и львом, обращаются в свое первобытное, природное состояние и, исчезнув с горизонта хорошего общества, теряют всякое значение. Но человек хорошего тона, но порядочный человек и в мраке бедности и неизвестности сохраняют негибнущие нравственные признаки хорошего общества: они и туда унесут с собою - один изящество манер и тонкое чувство приличий, другой - прелесть внешнего и блеск нравственного умения жить. Они, как драгоценные алмазы, могут затеряться в пыли, не

утратив своей ценности...

Но Боже мой! Куда завлекла меня дружба к тебе и любовь к человечеству? к чему подвинуло рвение распространять законы хорошего вкуса на земле? страшно и трудно перечить! Как после этого вступления, этого общего взгляда на уменье жить, перейти вдруг к азбуке этой науки? как вдруг заговорить, по поводу твоих комиссий, о экипажах, белье, жилетах, сапогах... Нет, у меня недостает духу теперь. Но, взявшись раз преподавать тебе некоторые полезные и приятные истины этого уменья, я не откажусь, только отложу этот труд до другого письма. Ты рассмотри между тем эти общие понятия великой науки и приготовься узнать частности, а я рассмотрю представленные мне из магазинов вещи и счета и уведомя тебя, как я исполнил твои комиссии. Прощай, благородный циник.

Друг твой

А. Чельский.

Письмо второе

Не бойся и не надейся, любезный друг, чтобы после торжественного приготовления тебя первым письмом к уменью жить я так же си-

стематически стал посвящать тебя и во все его мелочные тайны. Не ослеплю я тебя радужной текущих мод и не буду надоедать сухой номенклатурой разных материй, покровов и т. п.; нет, не сделаю ничего этого, потому что... и сам почти ничего не знаю, и потому еще... но, кажется, довольно и одной этой причины. "Франт, лев, - скажешь ты, - и не знает..." Неужели и после первого письма скажешь франт и лев? Это уж из рук вон! Нет, льщусь надеждой, что после моей классификации людей порядочного общества по разрядам ты настолько вникнул в науку уменья жить, что можешь уже безошибочно, с свойственным тебе античным беспристрастием, подвести меня под одну из исчисленных мною категорий. И если при этом найдешь, что я менее франт и лев, нежели ты циник, то это чуть ли не будет правда. Если же ты захочешь сам погрузиться во все мелочи наружного уменья жить и следить за прихотливым течением моды, то возьми любой журнал, особенно "Современник": там ты можешь иногда почерпать свежие и современные сведения по этой части; и то тогда только прибегни к этому

окончательному средству, когда вполне извещаешь теорию тонкой науки и почувствуешь в себе силу, почти львиную. Но далеко тебе до этого: легче, я думаю, иному выучиться по-гречески и по-латыни. Да и нужно ли тебе быть франтом и львом? ведь тебе не кружиться в чаду бальных зал и модных салонов; взгляд твой не будет, сквозь лорнетку, повелевать толпой и шевелить сердца законодательниц вкуса и мод: нет, не мечтай, Василий Васильич, об этом; стало быть, незачем тебе и надевать павлиньи перья; тебе можно и должно миновать первые две степени и поступить прямо в третью и четвертую. Оставим мелочи и поговорим о некоторых более важных, полезных и приятных истинах науки уменья жить.

Да, истинах: в этой науке, как и во всякой другой, есть много ясных, простых и несомненных истин, не признаваемых толпою. Ей легче верить, например, что солнце ходит вокруг земли, а не земля вокруг солнца: так и в деле уменья жить. Напрасно жрецы изящного вкуса, именем любви к человечеству, проповедают о проявлении и поддержании того

изящества, которым природа одарила человека; напрасно перед глазами толпы проходят блистательные явления франтов, львов, людей хорошего тона и порядочных людей: она остается глуха к голосу благих истин и предпочитает грязный свой быт изящному образу жизни. Приведем примеры.

Ты, конечно, сам видишь, сколько есть людей, так называемых образованных, то есть учившихся разным наукам и искусствам, знающих по-французски, иногда по-гречески и по-латыни, танцующих, играющих на чем-нибудь или во что-нибудь и поющих, - людей, живущих, как они сами говорят, в свое удовольствие, стало быть, людей с деньгами (о безденежных я не говорю: всё это мало до них касается). Вероятно, ты видал, как эти люди приезжают в гости, разряженные в пух, украшенные брильянтовыми булавками, перстнями, окованные чудовищных размеров цепочками на массивных замках, с брегетом и золотой табакеркой в кармане - словом, со всеми претензиями на богатство, блеск и роскошь. А пробовал ли ты нечаянно приезжать к таким людям домой и заставить их врасплох? Отче-

го приезд гостя производит всегда суету и смущение в доме некоторых из этих господ? Отчего хозяин, при виде постороннего человека, едва взглянув на него, не сказав ему ни слова, не протянув руки, бросается от него, как от врага, опрокидывая столы, стулья, подносы и прочее? Отчего жена и дети его скользнут врассыпную, как мыши по норам? И отчего, наконец, ты ждешь потом час или два появления приятного семейства? А оттого, что этот великолепный барин ходит частенько дома в грязном или разорванном халате, часто без жилета, без галстука, с клетчатым бумажным платком в руках, в каких-нибудь валеных домашней работы сапогах; оттого, что у супруги его волосы безобразно висят по вискам или по спине, шея голая, а капот расстегнут на груди.

И сколько, сколько таких людей, у которых правило - хорошо одеться только в гости да по воскресеньям, а в будни и дома они считают себя вправе проходить так, в чем-нибудь, надеть старенькое, грязненькое, чтоб не жаль было таскать. Чем так, лучше бы уж им встречать гостей, как встретил Иван Иванович Ива-

на Никифору: по крайней мере опрятнее.

Во что же эти люди ценят, за кого считают себя, что решаются терпеть на себе грязь и лохмотья? И зачем они спасаются бегством от постороннего человека, если, по их убеждению, надо поступать так, а не иначе? Чувствуют, что ли, они сами, как живут, может быть, даже знают и название такого образа жизни - и всё продолжают жить так. Не правда ли, что это грубо, безобразно?.. Да ты, кажется, краснеешь: так и вижу отсюда. О честная душа: он страдает за ближнего.

Есть и другие - впрочем, того же закала - люди, которые хвастаются, что они носили фрак, жилет или другое пять, десять лет и даже более, и ставят это себе в великую заслугу. Есть и такие, которые страх любят дешевизну во всем и радуются, что им дешево обошлась пара платья, шуба, шляпа, мебель и т. п. Вся их претензия - не одеться, не жить порядочно, а истратить как можно менее денег. Пять, десять лет носить платье, обувь! это всё равно что изготовить и есть целую неделю один суп, одно жаркое. Что сказать на это? У меня нет слов. Я только сильно, сильно пожимаю

плечами... а ты? Чувствую, что ты опять покраснел? Не хочешь ли ты, может быть, оправдать этих людей и их обычаи тем, что они делают это из экономии, что сбереженные деньги употребляют на что-нибудь более дельное, пожалуй еще на благодеяния? У скупых и неопрятных людей есть даже готовая фраза на такие случаи: "Я лучше бедному пять рублей подам, - говорят они, - нежели брошу на какие-нибудь белые перчатки, чтоб надеть один раз..." Не верь, лицемерят: ни бедному не подадут, ни перчаток не купят. Если ты надеешься оправдать их, так уж оправдай и того, кто по целым годам не чешет головы, не стрижет ногтей; это требует времени; как одни скупы на деньги, так другие на время; последнее может быть так же употреблено на что-нибудь более полезное, тоже на дела милосердия или на ученые занятия... Да ты определи мне, о циник: во что превращаются вещи, протасканные десять лет на плечах или на ногах? Или нет: лучше не объясняй: ты еще, пожалуй, взглянешь на предмет с антикварской точки зрения и найдешь какие-нибудь достоинства. Отвращаю глаза от

этой печальной картины и иду далее.

А какое множество есть людей, которые, постигнув, смотря по личному своему вкусу, одну какую-нибудь сторону внешнего уменья жить, закрывают глаза на все прочие? Один, например, любит хорошо есть и держит артиста повара, а сам ходит в сюртуке и фраке неслыханного покроя или еще в венгерке с затасканными лацканами, носит по три года один и тот же галстух, да иногда кичится этим, приглашая подражать себе. Другой, напротив, думает, что забота о порядочной пище недостойна человека, что можно есть что ни попало, тем более что этого никто не видит. А иные так одеваются прекрасно и любят тонкий, порядочный стол, да живут в берлоге, оправдываясь пословицей дурного тона: не красна изба углами, а пирогами.

Потом, сколько есть охотников пощеголять своим житьем-бытьем как-нибудь подешевле, ослепив ближнего мишурой. Так, иной наставит у себя скрипучей и жесткой мебели, лишь бы она походила фасоном на модную. Нечего и говорить о том, что хозяин не только не бросается на нее небрежно, чтоб

понежиться, но и не садится, а обходит осторожно мимо, потому что или больно сесть на нее, или она развалится от прикосновения к ней. Другой увешает стены своей квартиры такими картинами, в которых рамка дороже живописи. И тот и другой воображают, что живут хорошо. Вот где зло: в грубом и одностороннем понимании уменья жить. Этих людей вводит в дурной тон боязнь и ложный стыд, чтоб не сочли их хуже других, или желание показать, что они живут роскошно. А сочетать комфорт или удовлетворение собственных потребностей во всем, что относится до образа жизни, как-то: до убранства жилища, до платья, до пищи и т. п., с наружным изяществом - они не в силах. Да кто же требует, чтоб они уставляли комнаты гамбсовской мебелью, а стены увешивали произведениями отличных художников? Они не понимают, что не иметь новейшей мебели в комнатах и картин на стенах вовсе не стыдно; но поставить диван в виде S или украсить стену перюкмахерской вывеской означает безвкусию и дурной тон. Если бы еще было одно безвкусие: оно часто проявляется бессознатель-

но и неумышленно и оправдывается ограниченностью взгляда на вещи, происходящею от недостатка воспитания, от неразвития вкуса; это более жалко, нежели смешно; но смешно, когда к этому примешается неудачная и бессильная претензия блеснуть, произвести эффект на других. Таковы люди дурного тона: что с ними делать? как растолковать им простые и ясные истины уменья жить?.. А между тем сколько между ними, говорю, добрых, умных людей, знающих иногда по-гречески и по-латыни!.. Так и чувствую, что опять лицо твое облилось пурпуром! что это значит? уж не краснеешь ли ты за родню, за какого-нибудь друга? Не может же быть, чтоб за самого себя... Ну а если?

Оставим лучше намеки и перейдем прямо к тебе. Что искать сучка в глазах других? постараемся увидеть бревно в своих собственных.

Меня удивляет одно: как, изучив греческие и латинские древности, ты не нашел изящества в жизни древних, или если нашел, как не ставишь его в образец себе и другим, а всё прочее ставишь? Как не постиг ты поэзии бо-

гатых одежд древних, их багряниц, роскоши их мраморных бань и купален, утонченных пиршеств, мягких и тонких тканей? Как ты не понял одного из колоссальных героев древности - Лукулла, ты, понявший Платона, божественного Омира, пышного Virгилия?

Переложи ты эти купальни, пиры, ткани и проч. на новейшие нравы - и выйдет тонкое белье, изящный и свежий покррой платья, тонкий, здоровый стол, наконец, умягченные нравы, человеческое обхождение между собою - словом, уменье жить.

Мне жаль, что подвиг мой - пробудить в тебе влечение к этому уменью лишен будет главной прелести - бескорыстия, что я не могу спасти тебя от зла именем одной любви к человечеству, а должен присоединить к этому и дружбу к тебе. Мало того: моя услуга будет только слабым вознаграждением за те огромные и бесполезные усилия, которые ты некогда употреблял, чтоб навязать мне на шею своих Геродотов, Тацитов и других. Неужели то же будет и со мной? Ужели и мои усилия будут бесполезны? Попробуем: авось нет.

Прежде нежели укажу, где твоя погибель

и где спасение, напомним тебе, что ты женишься. Это значит, что ты меняешь тесный, беспорядочный и неполный быт на образ жизни стройный, исполненный порядка и достоинства. Ты переходишь, так сказать, из дикого состояния к цивилизации, от грубых привычек к умягченным нравам, всё равно как дикие от незнания употребления огня и железа переходят ко всем удобствам европейской жизни: право, так! Вспомни, что ты будешь жить в сфере прекрасной женщины; ведь я знаю твою невесту: это грация, это изящество. Она, по выходе из учебного заведения, провела два года здесь, в доме дяди, и из робкой, молчаливой девочки в первый же месяц появления в свет она превратилась в светскую девицу. В ней давно таился зародыш уменья жить; она угадывала свое назначение и ждала только соприкосновения со светом, чтоб усвоить себе все тонкости мудреной науки. Она принадлежала и будет принадлежать к хорошему обществу, несмотря на тесный и скудный мир, ожидавший ее в доме родителей, несмотря на ожидающую ее темную и неопрятную сферу твоего образа

жизни. Что ты готовишь ей? Она задохнется в чаду твоего быта. Положим даже, что ты, по моим наставлениям и по своему какому-то темному предчувствию и внушению, и изменишь нравы своего дома, что уже и начато тобой: ты вон выписываешь серебро, экипажи, рояль и проч.; но если ты не произведешь радикального изменения своей особы, то это всё равно что ты ничего не сделал. А ты, по-видимому, мало заботишься об улучшении самого себя; неохотно расстаешься ты с старыми, холостыми привычками. Это я заключаю из того, что ты не поручил мне даже прислать тебе приличный домашний костюм. В чем же ты появишься перед женой? Не во фраке же. Неужели в своей стеганой фуфайке или, еще хуже, в том красном с мушками халате, который у тебя называется хитоном (одно греческое, другое татарское платье: вот в чем ты на первых порах встретишь жену!), в толстых сапогах... о несчастный! Ведь нога твоя будет попирать пушистые ковры и покоиться на бархатной подушке рядом с маленьким башмачком! Ведь ты будешь жить среди цветов; на тебя повеет ароматический, до тех пор

неведомый тебе воздух женской сферы; непривычные уши твои услышат шорох женского платья в твоём кабинете, в котором ты слышал только шорох мышей, грызущих старые фолианты; над изголовьем твоим будет раздаваться голос женщины, ее лепет, ее вздох; куда ни прострешь ты руки, всюду встретят они бархат, шелк, блонды, кружева, батист; от занятий твоих будут отрывать тебя звуки Россини, Верди и Беллини... Словом, около тебя сотворится новый, неведомый тебе мир, которому Олимп твой и в прихожую не годится! И ты предстанешь в этот благоуханный, изящный мир, перед такой женщиной, как *mademoiselle Sophie*, ты, такой и от природы, Бог с тобой, некрасивый, неуклюжий да еще с тяжестью и безобразием своих холостых привычек! Я так и вижу тебя в фуфайке, с выбившейся из-под галстуха манишкой, с висящими от нее тесемками, в стучащих, как молот, сапогах, с устремленными куда-то и в то же время ничего не видящими глазами, с поднятием одной брови выше другой, с Титом Ливием или Страбоном под мышкой... Содрогаюсь! что ты готовишь себе? ка-

кую будущность? ужели ты хочешь поступить в разряд тех мужей, которые на другой день свадьбы являются уже к жене в колпаке, плисовых сапогах, в азиатском халате, с цинической речью, с словом мамочка, так что как будто сами говорят: "Посмотри, какой я урод: меня любить нельзя, я это знаю. Ты люби другого, а я ослепну, буду так себе мужем, как и все, подобные мне". Нет, мой друг: современный муж не то, что муж древний. Порядочный, хорошего тона муж, исключая некоторых чрезвычайных случаев, будет вести себя в отношении к жене, как и к другой женщине. Он никогда не забудет тех... вот по-русски и нет слова для этого... *йгардс*, хочу я сказать. С этим не соединяется никакой чопорности: можно быть нежным, глубоко привязанным или страстно влюбленным в свою жену мужем и при всем том соблюдать эти *йгардс* к жене, как к порядочной, благовоспитанной женщине, то есть не быть с ней фамильярным до цинизма, на том основании, что она жена, не оскорблять тонкого чувства женщины нарушением общепринятых между обоими полами приличий.

Умри же, умри, Василий Васильич, для грубых, неопрятных понятий, привычек и манер и возродись, как феникс, из собственного пепла для жизни изящной и порядочной.

Я назвал тебя циником; ты, может быть, обидишься, а может быть, ведь будешь и доволен: кто тебя знает? Тебе, пожалуй, веселее покажется походить на Диогена, нежели на человека хорошего тона. Но как бы то ни было, а я назвал тебя так не без основания. Посмотри сам.

Вот ты, например, пишешь ко мне письмо о присылке разных вещей для предстоящей твоей свадьбы и для дальнейшего затем житья-бытья, - поручение огромное, исполнение которого может послужить порядочным испытанием самой теплой дружбы, хоть моей к тебе. А между тем посмотри, как ты написал письмо: что за бумага, во-первых! желтая, толстая, точно древний пергамент, с недостатком новейшего времени, то есть промокающая. Потом, когда я вскрыл пакет, оттуда мне на руки, на жилет, на колени высыпалось с полфунта крупного желтого песку с камешками; запечатано вместо ароматического

сургуча какой-то смолой... Недоставало только, чтоб ты написал письмо по-гречески или по-латыни: то-то бы много надежды было сделать из тебя что-нибудь путное! Письмо к другу - так и нечего думать о приличии, об опрятности! На чем же бы ты написал деловое письмо? Как это не понять, что чем письмо серьезнее, скучнее, неприятнее, тем оно должно быть изящнее с внешней стороны: оттого все просительные и т. п. письма по-настоящему следовало бы писать на атласной бумаге, чтобы как можно более позолотить пилюлю. Скорее письмо к любимой женщине можно написать на серой бумаге: авось серый цвет, с помощью любви, покажется розовым.

Теперь перехожу к твоим комиссиям.

Выписывая серебро, ты просишь купить столовый сервиз по случаю, поэкономнее: "Это такая-де вещь, что навсегда останется; серебро не пропадет..." Покупать для экономии серебряный сервиз! это значит не знать первых, самых простых начал политической экономии. А уж ты ли, бывало, не надоедал мне толками о мертвых капиталах и т. п. ис-

тинах. Зачем же тебе сервиз? Ты лучше разменяй ассигнации на несколько десятков мешков с целковыми да и любуйся на них. А то сервиз для экономии! Нет, ты сам себя не понимаешь, не отдаешь отчета себе в своем намерении. Ты смутно чувствуешь, что сервиз нужен, а для чего именно, ты хорошенько себе не объяснил. Тебе хочется ввести изящество в свою столовую, и потому ты покупаешь сервиз прежде всего для красоты: так и остановись же на этом. Богатство материала тут дело второстепенное; первую роль играет изящество и свежесть отделки. Что же, если я куплю по случаю, подешевле? Это значит сервиз подержанный, потерявший новизну фасона, и, может быть, довольно давно; стало быть, я куплю одно серебро; но его и в лом купят за настоящую цену: в чем же выгода? Да еще как он пробудет пять, десять лет у тебя, так это будет любопытный антик; стол твой и будет убран как у какого-нибудь древнего архонта. Богато, да не во вкусе времени. Выказать богатство немудрено; дело в том, что надо выказать его со вкусом.

С каретой та же история. Пишешь, чтоб ка-

рета не была низка, совершенно по-нынешнему, чтоб не вертопрашно: козлы широкие, запятки и т. п. Как это у тебя достаёт духу писать такие вещи! Не прикажешь ли выслать римскую триумфальную колесницу? Ну, об этом напиши в Помпею: может быть, и откопают. Пора бы бросить эту боязнь и недоверчивость ко всему новому: новое изобретение, открытие, выдумка - в чем бы то ни было - есть ведь уже шаг вперед, улучшение или дополнение прежнего: зачем же дичиться так всего нового, и часто еще не рассмотревши его? Если выслать, что ты требуешь, так ведь лет через пять карета превратится в колымагу, над которой и пойдут точить зубы в описаниях провинциальных нравов. Я так и жду, что тебя кто-нибудь да пристроит в юмористическую статейку и с сервизом, и с каретой; а ты же сам потом и прочитаешь за свои деньги где-нибудь в журнале. Видишь, в чем нашел щегольство: чтоб не было низко, по-новому! Боишься унизиться, что ли? Нет ведь, чтоб попросить выслать карету попокойнее, чтоб не чувствовать, как едешь в ней, чтоб не приходилось влезать на нее, как на колоколь-

ню, чтоб сзади не было этих двух неуклюжих рессор, как у похоронных дрог, и чтоб подушки, тесьма и проч. - всё было покойно и изящно. Диоген, говорят, делал свои визиты в бочке: ну, мой друг, и ты с своей каретой недалеко ушел от него.

А сколько цинизма обнаружил ты относительно платья, белья! Сукно назначаешь в двадцать рублей, не велишь заказывать дорогим портным. Не заказать ли сшить фрак сапожнику? может быть, дешевле возьмет. Но что всего ужаснее, так это то, что ты не заботишься о порядочном белье. "У меня, пишешь ты, - белье из тонкого домашнего полотна, и Агашка девка (почему не Агафья? это *mauvais genre*) мастерица шить. Манишек тоже много тонких!.." Ах ты, варвар! Ну какой же ты грек? ты скиф: накинь лучше звериную кожу на плечо, возьми дубину и иди в лес. Ты не достоин века, в котором живешь; ты не сочувствуешь и не содействуешь успехам новейшей мануфактурной промышленности. Гибнешь, гибнешь, Василий Васильич, сам клонишь голову под проклятие порядочного общества. Ты, как Аристид, сам пишешь свое

имя на раковине и добровольно обрекаешь себя остракизму. Он ходит в домашнем полотне, носит манишки!! И добро бы не мог, не из чего бы было!

Да неужели ты никогда не испытывал роскоши прикосновения к телу батиста, голландского или ирландского полотна? Неужели, несчастный, ты не облакался в такое белье... извини, не могу сказать одевался: так хорошо ощущение от такого белья на теле; ведь ты говоришь же облакаться в греческую мантию: позволь же и мне прибегнуть в этом случае к высокому слогу: ты поклонник древнего, а я нового: *sum siique*. (Так ли?) Домашнее полотно! Природа и искусство предлагают ему тончайшую ткань, чуть не розовый листок для одежды, а он добровольно рядится в лубок! Под платьем не видать, говоришь ты. О боги Олимпа! накажите его: он человек дурного тона, а вы, вы порядочные люди... то бишь боги... вы создали Перикла, Лукулла и много других людей хорошего тона. Он не для собственного наслаждения, удобства, комфорта хочет одеваться, есть, украшать дом - словом, жить, а для угождения только зрению

других... Он не стыдится мешаться в толпу людей дурного тона, у которых правило носить, есть что-нибудь похуже, если не видят другие.

Кстати о пище и о тех, которые не считают неприличным есть что ни попало, когда их никто не видит. Если б еще дело шло только о приличии, тогда бы это было извинительно; а то ведь тут замешался вопрос о здоровье. Знают ли эти господа, что чем материалы дороже, тем они свежее, а чем свежее, тем здоровее; что чем стол искуснее и тоньше приготовлен, тем он легче, удобосваримее и, следовательно, опять-таки здоровее? Такой стол есть стол гигиенический. Искусный повар комбинирует и располагает блюда так, что голод удовлетворяется с строгой постепенностью, с каждым блюдом понемногу: съешь одним блюдом менее, будешь голоден, съешь весь обед, будешь только сыт и не обременишь желудка. Лучше, конечно, питаться какой-нибудь котлеткой и компотом; но кто обладает хорошим аппетитом, здоровым желудком и еще более здоровым карманом, тому советую иметь тонкий, изящный стол.

А ты, неужели ты, и женившись, будешь руководствоваться необузданностью своего дикого, скифского вкуса в столе? Неужели будешь гордо отвергать всякие ученые поварские комбинации и продолжать есть целые жареные ребра, бараньи бока, огромные части мяса, точь-в-точь как герои "Илиады"? Всё ли станешь гоняться за количеством, а не за качеством блюд, допускать разные противозаконные смеси в пище: после ботвинья есть творог, запивать макароны квасом? обременять себя гусями и поросятами с начинкой из каши? Русский здоровый стол, скажешь ты. Русский - так, но здоровый ли? Отчего же этот отек у тебя в лице и это брюшко? Подумай об этом и хоть мешай русские блюда с французскими и немецкими, а некоторые совсем отмени. Вообще введи изменение в своем столе: это я советую именем дружбы к тебе и любви к будущей жене твоей... любви к человечеству и по участию к будущей жене твоей, хотел я сказать. Она привыкла к тонкому столу у своего дяди, а с твоей нынешней кухней и мы, пожалуй, дождемся бог знает чего.

Наконец, сколько безвкусия обнаружил ты

в заказе жилетов, галстуков и других мелочей. Требуешь желтого, голубого цветов и не потребовал каких же? белого, черного, без которых порядочному человеку нельзя жить на свете. Откуда у тебя такая любовь к пестроте, скажи, пожалуйста?

Обувью своею ты сильно окомпрометировал меня: я отдал реестр твоих покупок своему камердинеру и велел ему заказать обувь моему сапожнику, прибавив, чтоб он постарался сделать как можно лучше, что это для моего друга. Через пять минут мой Сергей возвратился с твоим счетом ко мне и, подавляя ядовито-почтительную улыбку, сказал, что твоего поручения исполнить нельзя, что ты назначаешь по 15 руб. асс. за пару сапог, а наш сапожник менее 8 и 10 руб. сер. не берет... Я вспыхнул.

Вот ты до чего доводишь меня: заставляешь краснеть перед людьми? А я еще почтил тебя титулом друга? Всё хочется подешевле да подешевле.

Два слова серьезно об этом. Согласись, что приятнее носить сукно, как атлас, белье гладкое и тонкое, как китайская бумага, обувь

черную и мягкую, как бархат! с этим разве только вандал не согласится. А что, если я скажу тебе, что это и экономнее? Многие не хотят понять этого, даже смеются, когда им скажешь, а между тем это так. Дорогое сукно не потому только дорого, что тонко, но и потому, что плотно, прочно и тщательно выткано. Следовательно, платье из такого сукна вдвое, даже втрое долее проносится, нежели из редкого, жиденького и дешевенького. И швы не побелеют и ниток от ткани не увидишь на хорошем сукне. Возьми лионский дорогой бархат: его износить нельзя. Точно также и голландское полотно: не белизна и тонкость - его первое достоинство; может быть, в этом и твое домашнее полотно, из которого Агашка (кстати: удали эту Агашку: она, судя по письму, играет что-то уж слишком значительную роль в твоём хозяйстве; *mauvais genre!*) шьёт тебе белье, не уступит ему, прочность и плотность - главные достоинства этого полотна. Сапог из лучшей эластической, мягкой кожи надобно не более двух пар в год. И материя, и мебель, и всё, решительно всё - так. Из чего же хлопочут охотники до деше-

визны?

Вот, кажется, и всё, что я хотел высказать тебе относительно внешней стороны умения жить. Указывая тебе на твои больные места, на твои раны, я хотел дать почувствовать тебе зло и найти средства к искоренению его. Приняв предложенные мною тебе начала и устыдясь собственного безобразия, ты уже легко усвоишь себе важнейшую часть этой науки, потому что, как я сказал в первом письме, ты от природы добр, благороден; недоставало только внешнего блеску, чтоб ты был и порядочен.

Дальнейшие мои письма не будут уже заключать укоризны тебе. Они вместе с ответами твоими составят ряд исполненных достоинства и важности бесед двух друзей о внутренней стороне умения жить, тонких и отвлеченных воззрений на великую науку, так, чтоб со временем из нашей переписки образовалась полная теория умения жить, которую мы потом предадим тиснению в поучение людям.

В заключение скажу тебе, что я исполнил твои комиссии с заботливостию, с таким

усердием и мелочною внимательностию, к каким способен только старый, испытанный друг. Во-первых, я ничего не сделал так, как ты просил, а так, как следует; во-вторых, я простер свою заботливость о делах и выгодах друга до того, до чего уже не простирают ее нынешние друзья, чем самым и стал в подвиге дружбы наряду с античными героями-друзьями, именно: я сверх присланных тобою 3500 руб. серебром истратил еще две тысячи руб. сереб. своих! Я знаю, что ты, в умилении от этого подвига дружбы, оценишь мое усердие и вышлешь мои деньги с первою почтою, не говоря ни слова, чем и ознаменуешь свое торжественное вступление в класс порядочных людей.

Прощай!

Друг твой

А. Чельский.

Письмо третье и последнее

Два месяца спустя

Любезный друг Василий Васильич!

Я получил с почты пакет со вложением двух тысяч рублей серебром, без всякой приписки. Но как на конверте означен уезд, в ко-

тором ты живешь, и на печати вижу твой герб, то и догадываюсь, что письмо и деньги от тебя. Ты исполнил мое ожидание: прислал деньги, не говоря ни слова, но не в ознаменование вступления своего в класс порядочных людей, как я надеялся, а в знак отречения от них, и, кажется, безвозвратного. Я поражен ужасом и глубокою печалию. И так погибли мои самолюбивые замыслы: не помогла ни любовь к человечеству, ни дружба к тебе! Погибла и полная теория уменья жить для света! Грустно, больно душе, Василий Васильич! Крепя сердце, со слезами на глазах, уведомляю тебя о получении денег и твержу: гибнешь, гибнешь, друг мой, в омуте цинизма и дурного тона! Но за что же ты увлекаешь туда прекрасную женщину, которой судьба назначила блистательный путь на широкой арене порядочного общества? Слушай: если когда-нибудь искра хорошего тона проникнет в твою душу и ты ощутишь жажду изящества, порядочности, уменья жить, то вспомни, что к тебе простерта всегда рука друга, готовая извлечь тебя из бездны дурного тона.

Друг твой

А. Чельский.